

≈ 35 мин

Публикуем обзор творчества не очень известного сегодня советского писателя, произведения которого и по сей день не утратили своей актуальности.

Двадцатые годы прошлого века для СССР были, если так можно выразиться, экспериментальными практически во всех сферах жизни. В экономике и политике под натиском объективных обстоятельств власть была вынуждена перейти к Новой экономической политике, включающей упор на рыночные отношения, в искусстве ключом били различные направления модернизма, в быту люди пробовали новые формы «общения» (Verkehr).

**НО И В ЭТОМ ОКЕАНЕ ЛЮДСКОГО
НОВАТОРСТВА ОСТАВАЛИСЬ НОСИТЕЛИ
ТРАДИЦИЙ, СОХРАНЯВШИЕ ВЕРНОСТЬ,
КАЗАЛОСЬ БЫ, ОТМИРАЮЩИМ ФОРМАМ.
ОТНЮДЬ НЕ ВСЕГДА ЭТО БЫЛИ
РЕАКЦИОНЕРЫ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОД
СОЛНЦЕМ ЛИШЬ ПО НЕДОСМОТРУ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. ПОПАДАЛИСЬ И ЛЮДИ,
СЧИТАЮЩИЕ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ТАК РЕЗКО**

ПОРЫВАТЬ СО СТАРЫМ, НЕОБХОДИМО ВЗЯТЬ ОТ НЕГО САМОЕ ЛУЧШЕЕ.

Одним из таких людей в литературе был Пантелеймон Сергеевич Романов, родившийся 12 июля 1884 года в семье бывшего мелкого служащего из обедневших дворян и дочери псаломщика. Детство писатель провёл на маленьком хуторе в Белевском уезде Тульской губернии. Сам Романов писал, что жизнь для его семьи не была лёгкой прогулкой¹. Деревенский быт характерно отразился на творчестве писателя. В зрелые годы множество произведений будет посвящено именно деревне: недописанная эпопея «Русь», повесть «Детство» и множество рассказов.

Жизнь Романова характеризует его скорее как обывателя: закончил гимназию в 1905 году, поступил в Московский университет, бросил учёбу, устроился банковским служащим и объехал благодаря этому европейскую Россию, в период Первой мировой войны работал статистиком, в Февральскую революцию в той же должности в Государственной думе, женился, а потом кочевал по советским учреждениям до 1920 года. И был бы он самым обыкновенным человеком, если бы не его писательское ремесло, которому он оставался верен все эти долгие пятнадцать лет.

Ещё в гимназии он делает первую пробу, обернувшуюся провалом из-за недостатка опыта:

«Первое литературное произведение, начатое на хуторе в амбаре на

чердаке, был роман из английской жизни. Осталось неоконченным вследствие недостаточного знакомства с бытом и нравами Англии»².

После этого он проходит тот же путь, что и множество писателей — интенсивное самообразование. В дневниках сохранились выписки из Белинского, Чернышевского, Герцена, Гегеля, Ницше, Бергсона и других.

Первые рассказы Романова печатаются в журнале «Русская мысль» и в газете «Русские ведомости», где пока ещё скромный талант замечают Горький и Короленко. Наиболее ярким дореволюционным произведением стал этюд «В родном краю» 1916 года, где передана атмосфера русской провинции, докуда изредка доносится грохот мировой войны. В то время, когда взор большей части литераторов был обращён на поверхность явления, Романов смотрел вглубь, в те пласты общества Российской империи, которые впоследствии во многом определили характер революционных преобразований.

С 1918 года в печати начинают появляться первые рассказы Романова, благодаря которым он получил широкую известность. В середине 20-х их будет уже около сотни, а литературовед Н. Н. Фатов в своей статье «Пантелеймон Романов» напишет:

«По манере письма П. Романов примыкает к великим писателям прошлого, прежде всего к Гоголю, Гончарову, Л. Толстому и Чехову»³.

В своих рассказах Романов пытается уловить закономерности, проявляющиеся в поведении обывателя. Он не наделяет своих героев необыкновенными чертами характера, наоборот, зачастую это самые заурядные люди, чей стержень

находится вовне, в планомерном течении жизни, которая их окутала. Через них он показывает те свойственные массам черты, которые опосредованно проявляются в более грандиозных событиях, чем те, что описаны Романовым.

Пантелеймон Сергеевич, являясь продолжателем традиций русского реализма XIX века, подхватывает ранее развиваемую его предшественниками тенденцию критического отношения к самым неприятным чертам действительности. Взгляд Романова вливается в то, что другие не всегда хотят замечать. В коротких зарисовках быта советских граждан сквозит улыбка сатирика. Но еле различимая усмешка — отнюдь не торжествующая, скорее печальная, с лёгкими оттенками оптимизма. Это усмешка человека, который верит, что в будущем всё изменится, что читатель, ужаснувшись, исправит все ошибки.

За свои произведения Романов не раз подвергался жесточайшей критике. Многие видели в его рассказах «очернение советской власти», «пошлую проблематику» и «искажение действительности»⁴. Его лаконичный стиль, лишённый сложных словесных конструкций и излишней метафоричности, порой воспринимался как примитив и бесталанность. Эстетический принцип реалистов, характерный и для Романова — оставлять читателя наедине с фактом, задавать вопрос, оставляя его без ответа, — рассматривался как «равнодушное отношение к действительности». Писатель стойко держался за свои принципы и отвечал:

«Та литература хороша, которая не успокаивает мысль разрешением вопросов, а будит читателя, заставляет его волноваться, пересматривать те вопросы, к которым он пригляделся и которые машинально считает он

уже разрешенными»⁵.

Но были и те, кто, как и Н. Н. Фатов, признавали талант писателя, считали, что своим стилем Романов более точно отражает действительность и помогает преодолевать реакционные формы отношений между людьми. В то же время, он пользовался большой популярностью среди читателей и слушателей. Романов был не только хорошим писателем, но и блестящим чтецом своих собственных произведений. И хотя отзывчивость публики была ему приятна, необходимость отвлекаться ради этого от работы вкупе с нарастающими к концу жизни материальными затруднениями тяготила его.

На протяжении всей жизни Романов писал эпопею «Русь», которая должна была охватить довоенное, военное и революционное время, но писателю хватило времени лишь на то, чтобы довести повествование до 1917 года. В 1930 году из под его пера вышел роман «Товарищ Кисляков», где дан образ интеллигента-приспособленца. С. С. Никоненко следующим образом характеризует роман:

«За несколько лет до 1937-1938 годов, когда совершались усиленные поиски „врагов народа“, Романов показал, что среди наиболее рьяных „борцов“ за чистоту партии, за социализм находились и те, кто втайне не принимал новый строй, но любыми средствами демонстрировал свою лояльность»⁶.

Но критики, которые по большей части и были теми самыми интеллигентами-приспособленцами, не поняли сути романа, тем более, что он был опубликован в Европе, и начали травлю писателя, которую тот относительно успешно пережил. В 1932 году выйдет последний роман писателя — «Собственность»,

ставивший волнующий многих вопрос об отношении деятеля искусства и социалистического государства.

В середине 30-х количество тиражей и публикаций начинает падать, появляются проблемы с деньгами. В то же время его одолевает болезнь — писатель вынужден прервать свою творческую деятельность. Романов скончался 8 апреля 1938 года от лейкемии. В некрологе будет написано следующее:

«Выбыл из строя вдумчивый художник, человек большой энергии и жизнерадостности, могущий дать советскому читателю ряд значительных произведений»⁷.

Пантелеймон Сергеевич в своих произведениях пристально изучал особенности «русского характера»:

«...пассивность, лень к движению, к борьбе, расплывчатость, мистическую настроенность и способность к быстрому короткому порыву, его непригодность к длительному, непрерывному усилию»⁸.

В большинстве рассказов даются именно образы, которые своим существованием напоминают читателю 20-х годов, что в молодом пролетарском

государстве ещё очень много пережитков царского прошлого.

Хотя эпоха НЭП и проходила под знаменем новаторства, всё же она была не в силах в мгновение ока искоренить отсталость, закостенелость масс, особенно крестьянских. Люди повсюду воспроизводили старые формы общественных отношений, причём довольно реакционные. К примеру, в рассказе «Инструкция» Романов довольно остро высмеивает бюрократическую систему и приверженность самых маленьких чиновников формализму:

«— Пишут тоже инструкции, — говорил весовщик, — на глаз нельзя, а на весах — ничего не тянет. Успеете, куда прёте? Только вот и дела, что ваши мешки вешать... Вот навязался-то демон, ногтем его придавить, а вишь, сколько народу держит, погляди, пожалуйста, уж на улице стоят.

— Ну вот что... вот тебе квитанция, как за пуд багажа, и уходи ты отсюда от греха, а то ты у нас тут всё перебуровишь, — сказал человек в форме, отдав женщине квитанцию и махнув на неё рукой.

На платформе загудел паровоз.

— Матушки! — крикнули стоявшие в очереди и, давя друг друга, бросились на платформу.

— Ушёл, ушёл!

— Ах, сволочь окаянная, всех посадила!

— И откуда её черти принесли?..

— Лихая её знает. Овечкой прикинулась, пролезла.

— А с чем она была-то?

— С домашним скотом, говорят.

— С каким там скотом, с птицей... И птичка-то пустяковая...

— Пустяковая, — сказал малый с мешков, — таких пустяков с десяток принести, вот тебе всё движение на неделю — к чёрту...»

Казалось бы, что проблема решается очень просто, но нет, буква закона, являющаяся производением рук человеческих, становится самостоятельной силой и начинает диктовать людям правила жизни, которые идут вразрез с ней самой. Эта ситуация напоминает нам об описанном Марксом товарном фетишизме, который переворачивает всё с ног на голову и заставляет людей воспринимать свои отношения по поводу производства, как отношения между вещами.

Рассказ не потерял свою актуальность и в наши дни, потому что почва, из которой он вырос, плодородна как никогда: бюрократия что в России, что за рубежом разрослась в невероятных масштабах. Если в СССР на самом пике в 1985 году было 73 чиновника на 10 тыс. человек, то в РФ 102 чиновника на 10 тыс. человек, в Швеции и Канаде это число в 2-3 раза больше⁹.

Уже другой рассказ «Народные деньги» демонстрирует нам кумовство, которое процветало на части промышленных предприятий. Управляющие, не подстёгиваемые конкуренцией и владельцами, нанимают на работу своих родственников и друзей, тем самым увеличивают издержки по изготовлению продукции и не соблюдают принцип отбора кадров по профессиональным качествам, что сказывается на расходах предприятия, которые всё равно упадут на государство. При этом, несколькими штрихами Романов показывает нам ту пассивность, с которой воспринимают происходящее сами работники предприятия:

«— Нет, тут не в месте дело, — кричали Суцев, Ласкин и Шмидт, — а в том, что деньги народные. Кабы они на свои деньги дело вели, так небось не набрали бы столько народу, а из каждого бы последний сок выжимали. А раз деньги народные — вали и свата, и брата, и записочников. Тут чистой миллион прибыли должно быть, а у них семьсот тысяч убытку. Да и как убытку не быть — и автомобиль у них, и командировки чёрт её знает куда, и чего только нет. Одним словом, народные деньги. Поддерживайте, надо изжить эту заразу!

Через неделю были назначены перевыборы правления. Все отмечали безусловную правоту и мужество выступавших Суцева, Ласкина и Шмидта и возмущались запутанными объяснениями прежних арапов и раздутыми штатами.

А внизу, прячась от проходивших по лестнице, толклись почему-то столяры и поглядывали наверх, где производились перевыборы.

— Вы чего тут собрались? — спросил швейцар.

— Так... ожидаем...»

Они не чувствуют, что предприятие принадлежит в первую очередь им, что они должны решать судьбу подобных «специалистов». Наоборот, они и сами не прочь протолкнуть «своих» на какую-нибудь мелкую работёнку. И опять нам знакомо это явление, которое сегодня, в стране победившего капитализма, встречается практически везде, особенно на госслужбе и в государственных компаниях, где работники стремятся устроить на «тёпленькое местечко» своих родственников и знакомых, будущих помощников в нелёгком деле обворовывания налогоплательщиков. Самый лучший пример подобного кумовства — широко известный кооператив «Озеро».

Тема лицемерия продолжается в «Иродовом племени», где Пантелеймон Сергеевич обрисовывает нам человека на бирже труда, возмущённого тем, что работу раздают «по знакомству». В конце истории он сам, встретив друга среди служащих, не преминул возможностью использовать те же методы, которые ещё не так давно осуждал:

«Через несколько минут оба вышли и, весело разговаривая, пошли к выходу.

— Чёрт-те что, — говорил мужчина в белых валенках, — вот подвезло! Я хоть ни черта не понимаю в этом деле, я ведь по сушке овощей, ну, да тут разбирать некогда. Ну, и спасибо тебе! Пойдём на радостях...

— Вот иродово племя-то, — сказал рабочий в шапке с наушниками, — надо бы за ними пойтить в кабинет, захватить на этом деле да скандал поднять, под суд их, сукиных детей!»

Романов тем самым насмехается над самыми ярыми критиками, ведь они по большей части являются мещанами-приспособленцами. Сегодня «надо» ругать буржуазию? Будут ругать её. Завтра коммунистов? Ну, ничего, и этим достанется. Эти пороки существовали среди советских граждан вплоть до кончины СССР, когда вчерашние коммунисты спокойно сдавали партбилеты и шли делать первый капитал или обслуживать народившихся буржуа.

Но достаётся в рассказах Романова не только отдельным представителям. С критической стороны он рассматривает и массы в целом. В «Плохом председателе» поднимается тема самоорганизации, которая является столпом в борьбе пролетариата за новое общество. Писатель показал, как люди не могут

убраться в своём же дворе без «сильной руки» председателя. Они возмущены тем, что новый председатель вместо того, чтобы указывать им, кричать, отдавать приказы, сам, вместе с ними берётся за уборку, не словом, а делом зовёт всех на работу:

«— Когда ж работать-то начнём? — закричало уже несколько голосов. — Так что ж вы не начинаете? Лопатка в руках есть, чего вам ещё? — отвечал суетливо председатель, оглядываясь по сторонам и ища себе лопатку, — дайте-ка мне лопаточку.

— Да вы заставляйте работать-то... а он лопатку ищет!

— Прямо смотреть тошно. Крикнуть не может как следует.

Все подошли к наваленным горам навоза и стали нехотя копать.

Председатель тоже принялся работать.

— Эх, прежний-то председатель был молодчина. Бывало, выгонит всех на работу, сам до лопатки не дотронется, а только стоит и кричит на всех.

— Да, у того не стали бы почёсываться, — сказала женщина в платке. — Тот, как чуть что не так, сейчас — штраф, а не то вовсе в милицию. У того из окна помоев не выплеснешь, а если и выплеснешь, так, бывало, сначала раз десять оглянешься.

— Тот, бывало, сядет, сигарку в зубы и только кроет всех. И работали — в лучшем виде. Самим же лучше: час отворочаешь, зато потом иди на все стороны. А тут вот будем через пень колоду валить до вечера, а там дома работы по горло.

— Тут бы двинуть матюгом, сразу бы у всех руки развязались, а то копаешь, ровно сонный.

— Прямо работать противно, — сказала женщина в платке».

Пассивность нашего человека, его забитость, постоянная нужда в вожде, который скажет, что необходимо делать, сохраняется до сих пор. В России, несмотря на упадок левого движения, наблюдается тенденция возвеличивания авторитарных лидеров, особенно тов. Сталина. Но среднестатистический россиянин не связывает это имя с коммунистическими идеями и революционными преобразованиями общественных отношений, он прежде всего видит в этом имени сильного вождя, который принудит соблюдать закон, заставит работать с утроенной силой и даст новые ориентиры. Связано это в первую очередь с историко-экономическими особенностями развития России: от царских времён, когда для управления империей необходима была жёсткая централизация, до СССР, испытывающего на себе постоянную угрозу реставрации капитализма, как насильственными методами, так и вполне мирными — «экономическими».

Но при этом советский человек периода 20-х годов не нуждался в исполнительных, знающих управленцах, ведь они старательно следили за тем, чтобы учреждение или предприятие функционировало эффективно. В рассказе «Хороший начальник» работники возмущаются тем, что новый заведующий ответственно подходит к своему делу, требователен не только к себе, но и к сотрудникам. С улыбкой на устах они вспоминают бывшего, который позволял приходить на работу когда угодно, ничего от них не требовал, а сам либо просто сидел на зарплате, либо проделывал грязные делишки в обстановке всеобщей безалаберности. Реальные перемены требуют не только желаний, но и труда.

«— Как поступил, так первое, что сделал — распорядился, чтобы служащие

по приходе расписывались...

— Автографы очень любит... — вставил толстый.

— Да, автографы... а лист у швейцара лежит до десяти часов с четвертью. Как опоздал к этому сроку, так не считается, что на службе был. Что это, спрашивается, за отношение? Что мы — взрослые граждане или дети, или, того хуже, жулики, которых нужно в каждом шаге учитывать и ловить? Дальше, если ты, положим, хочешь пойти, по делу службы даже, в город, то должен написать ему записку, по какому делу идёшь, и должен представить результаты сделанного дела. Потом: в канцелярии никаких разговоров. Если пришли, положим, знакомые, вот вроде тебя, то никоим образом в канцелярии не разговаривать, а отправляйся в приёмную и кончай разговор в одну минуту.

<...>

— Ещё бы не приятный... А возьми бумаги — когда принесёшь ему, бывало, на подпись и начнёшь объяснять, он только, бывало, скажет: „Вы говорите так, как будто я вам могу в чём-нибудь не доверять“. Вот ей-богу! А записку там какую написать попросишь для знакомого. Он только спросит: „Вы ручаетесь за него?“ „Ещё бы, конечно!“ И готово — ничего больше не скажет и подпишет. Сколько народу он от всяких неприятностей избавил, — не перечесть!

— Да, вот наша беда в том, что у нас хорошие люди почему-то не держатся, — сказал посетитель.

— Не держатся... — повторили оба его собеседника. — В чём дело?

— А где он сейчас-то?

— Прежний-то? Под судом. Как приехал Рабкрин, как начал раскапывать — оказалось, что служащие за делом проводили только одну треть рабочего

времени, что по его запискам какие-то жулики свои дела устраивали и ещё там — всего не перечесть. Мы-то знаем, что он тут ни при чём. Ну, да ведь это в счёт принимать не будут. Там сентименты не нужны. Да, такого начальника уж не будет... — сказали оба, вздохнув».

С изрядной долей иронии, которая практически не видна за сухим повествованием, Романов рисует попытку работников совместно с комсомолом изжить старую привычку употреблять матерные слова в повседневных разговорах. «Технические слова», так окрещён рассказ, потому что именно так называют мат его герои. Попытка не увенчалась успехом, ведь для этого необходима воля. Старые работники посылают «к чёрту» эту выдумку «молокососов» бороться с бескультурьем:

«„В виду невозможности быстрой отвычки от употребления необходимых в обиходе... технических слов, считать принятую культотделом меру преждевременной и слишком болезненной, вредно влияющей на самочувствие и производительность“. Какую меру — в протоколе упоминать не будем. Так ладно будет?»

Сегодня мы тоже можем увидеть, как молодые работники на производстве пытаются поменять что-то, но зачастую им это не удаётся. Окостеневшие рабочие и начальники свято чтут старые традиции, отвергая всё новое, как чрезвычайно сложное, непонятное, пока это не спустят сверху, пока их не заставят работать по-новому под страхом увольнения. Но если тогда боролись за культуру общения, то сейчас это делать практически бесполезно. На тех, кто не матерится, смотрят с недоверием, как на «строящих из себя невесть что

умников».

Но если были среди молодёжи ребята, которые боролись за дело социализма, были также и те, кто, идя на поводу мелкобуржуазной стихии, тащил всех обратно. Эмансипация женщин, произошедшая в ускоренном темпе, принесла не только равные права, но и перекосы в понимании этих самых «прав», возникающие на местах то тут, то там. Молодые люди восприняли освобождение от патриархальных пережитков не как возможность свободно определять свою судьбу, исходя из возможностей, предоставляемых объективной реальностью, но как свободу удовлетворять свои безудержные потребности. Как известно, в это время зародилась печально известная теория «стакана воды», зачастую ошибочно приписываемая Кларе Цеткин или Александре Коллонтай. И Пантелеймон Романов не обошёл эту проблемную «теорию» стороной, а подверг критике, которая, несмотря на то, что была высказана довольно сдержанно, вызвала огромный резонанс по всей стране. Рассказ «Без черёмухи» обсуждали в прессе, литературных журналах, на комсомольских собраниях. Мнения, как и всегда, расходились: кто-то видел в этом клевету на молодёжь, а кто-то — хороший удар по «излишне свободным» половым отношениям. Бесспорен тот факт, что Пантелеймон Романов смог передать через довольно короткий рассказ то, чего некоторые не могут сделать в нескольких томах.

Повествование идёт от лица девушки. Она не приемлет установившиеся в среде молодёжи отношения, в которых нет места любви и чуткому отношению к близкому человеку. В её коротких рассуждениях затрагиваются различные проблемы, но одна явственнее всего: несоответствие между проводимой

пролетарской властью политикой и мелкобуржуазной темнотой масс, проявляемой в быту. Не все пережитки удаётся разрушить в один миг, некоторые имеют глубокие корни не только в психологии обывателя, но и в производственных отношениях, фундаменте, который нельзя перестроить одновременно. Мелкобуржуазная и люмпенская стихии поражают советскую молодёжь 20-х годов, заставляя совершать ошибки: развязно относиться к противоположному полу, отвергать эстетическое чувство, понимать чистоплотность как буржуазный архаизм. Нищий, задавленный жизнью пролетарий — это не гордое звание, а клеймо проклятья. Миссия пролетариата состоит не в том, чтобы возвести в абсолют своё униженное положение, а в том, чтобы избавиться от него. Но избавиться необходимо не только от эксплуатации, но и от её последствий. Лицемерная буржуазная мораль и патриархальные нравы царской России были скинуты Октябрьской революцией, и на их месте после Гражданской войны начали вырабатываться новые отношения между людьми. Через различные случайности, от «теории стакана» до советского варианта «Домостроя», пролетарское государство вырабатывало свою революционную этику.

Порой кажется, что в рассказах Романова нет места субъективности. Его повествования погружают читателя в сложившуюся систему, где множество деталей рисуют перед нами картину неумолимой закономерности происходящего. С одной стороны, главная героиня, наивно верящая в любовь с её неизменными атрибутами: привязанностью, нежностью и бережным отношением к любимому человеку. С другой стороны, глубокомысленный юноша, где-то в закоулках души понимающий глупость, неправильность всего происходящего, но вынужденный разделять господствующие ценности и нормы

поведения, чтобы не потерять свой авторитет. Всё как бы толкает их к той пропасти, в которую они провалятся:

«Когда я вышла на улицу, я несколько времени машинально, бездумно шла по ней. Потом вдруг почувствовала в своей руке что-то металлическое, вся вздрогнула от промелькнувшего испуга, ужаса и омерзения, но сейчас же вспомнила, что это шпильки, которые он мне вложил в руку. Я даже посмотрела на них. Это были действительно шпильки и ничего больше. Держа их в руке, я, как больная, разбитой походкой потащилась домой. На груди у меня ещё держалась смятая, обвисшая тряпочкой, ветка черёмухи. А над спящим городом была такая же ночь, что и два часа назад. Над каменной громадой домов стояла луна с лёгкими, как дым, облачками. Так же была туманно-мглистая даль над бесчисленными крышами города. И так же доносился аромат яблоневого цвета, черёмухи и травы...»

Но субъективность как раз и скрывается в самом рассказе, как целом.

Пантелеймон Сергеевич не просто так ввёл повествование от лица девушки, а для того, чтобы показать, что её жизнь на этом не закончилась, что она не утратила свои надежды и готова уже с бóльшим умом «прилагать усилия». Именно осмысление произошедшего и принятие разумного решения придают рассказу субъективность.

Гвоздём в крышку гроба сторонников «стакана воды» стал «Суд над пионером», где сатирик катком проходится по перегибам. Он показывает, как обыкновенная симпатия пионера к девушке подвергается гонениям со стороны коллектива. Примитивизм, с которым пионеры относятся друг к другу, не позволяет им

элементарного: тёплых слов, красивых жестов и помощи.

«— Это моё личное дело, — ответил, густо покраснев, Чугунов.

— Нет, не личное дело. Ты роняешь достоинство отряда. Ежели ты свои стихи писал и читал их не коллективу, а своей даме, то это, брат, не личное дело. Если мы все начнём стихи писать да платочки поднимать (а ты и это делал), то у нас получится не отряд будущих солдат революции, а чёрт её что. Это не личное дело, потому что ты портишь другого товарища. Мы должны иметь закалённых солдат и равноправных, а ты за ней мешки носишь, да за ручку через ручеёк переводишь, да стихи читаешь. А это давно замечено — как проберутся в отряд сынки лавочников...

— Я не сын лавочника, мой отец слесарем на заводе! — крикнул, покраснев от позорного поклёпа, Чугунов.

Но председатель полохматил волосы, посмотрел на него и сказал:

— Тем позорнее, товарищ Чугунов, тебя это никак не оправдывает, а совсем — напротив того. Сын честного слесаря, а ухаживает за пионеркой. Если она тебе нужна была для физического сношения, ты мог честно, по-товарищески заявить ей об этом, а не развращать подниманием платочков, и мешки вместо неё не носить. Нам нужны женщины, которые идут с нами в ногу. А если ей через ручеёк провожатого нужно, то это, брат, нам не подходит.

— Она мне вовсе не нужна была для физического сношения, — сказал Чугунов, густо покраснев, — и я не позволю оскорблять...

— А для чего же тогда? — спросил, прищурившись, сосед председателя с правой стороны, тот самый, который вначале дёрнул председателя за рукав. — Для чего же тогда?

— Для чего?.. Я почём знаю, для чего... Вообще. Я с ней разговаривал».

Подобная идеология толкает человека ещё дальше на пути к превращению в придаток машины, подчиняет жизнь распорядку, в котором нет места «людскому», мешающему воспроизводить себя как биологическую единицу и продолжать увеличивать капитал.

Вновь мы поднимем голову, чтобы оглядеться вокруг. Неужели сегодня мы не наблюдаем то же самое? Наблюдаем. Что сегодня, что около ста лет назад ведутся разговоры о физиологии и потребностях. Отношения между полами понимаются вульгарно не только в буржуазной среде, но и среди левых, которые при этом зачастую отвергают этику и эстетику, не только как теорию, но и как практику (банально не следят за своим поведением и внешним видом). Стоит ли говорить, что в новой «свободной от коммунистической идеологии» России всё пропитано товарно-денежными отношениями, в том числе и отношения между людьми?

Разгул РАППа в конце 20-х, когда они нападали с критикой на писателей, тоже не остался без внимания Пантелеймона Романова. Он пишет два рассказа «Право на жизнь, или Проблема беспартийности» (1927) и «Блестящая победа» (1931), где поднимает проблему взаимоотношений государства и творца при социализме. В первом рассказе он изображает писателя, который под натиском критики начинает сам критиковать всех и вся, а после, не выдержав психологического напряжения, решает покончить с собой:

«Великие эпохи требуют и великой правды.

Вы лжёте по разным направлениям, по разным случаям и стараетесь, как

безбилетные пассажиры, угождать, чтобы вас не спихнули с колесницы. В одном месте вы притворитесь, что горите тем делом, какое вам дали. А оно не имеет в действительности к вам никакого отношения, кроме одного: оно даёт вам хлеб.

В другом вы сделаете вид, что горите теми идеями, которые сейчас господствуют, а на самом деле вы просто боитесь обнаружить собственное мнение.

Но самая главная ваша ложь в том, что вы из близорукой трусости перед эпохой отrekliсь от своего подлинного лица, от своей сущности, из боязни, что она „не подойдёт“.

И теперь вы безликие, равнодушные подёнщики, выполняющие за хлеб чужие заказы, не имеющие к вашей сущности никакого отношения.

Таков же и я».

Во втором рассказе перед нами предстаёт художник, показывающий свою «подлинно пролетарскую» картину высокому чину. Но чиновник восторгом отзывается о другой, стоящей в углу, но менее «революционной».

Вопросы, поднимаемые Романовым, звучат очень часто в левой среде.

Некоторые понимают искусство утилитарно, полагая, что оно должно быть на службе государственной идеологии, другие же в либеральном ключе возвеличивают индивидуализм художников и отрицают всякое право партии вмешиваться в творческий процесс. Но истина в том, что искусство отражает объективную реальность, значит и её объект лежит не в общественном или индивидуальном сознании, а во вне, в материи, а сознание — лишь призма, через которую он рассматривается. Совершенство формы отражения и с

помощью них передавая всё разнообразие развивающейся действительности, деятель искусства совершает подлинную революцию и тем самым помогает становлению коммунистического общества намного больше, чем создавая очередной идеологический образ или выплёскивая свои субъективные переживания на всеобщее обозрение.

Несмотря на то, что критики часто сомневались в идейности Романова, в его творчестве находилось место и «чисто классовым» рассказам, например, «Экономическая основа», где писатель в иронической манере раскрывает причины упадка буржуазии и демонстрирует попытки приспособиться тех, кто всё-таки решил остаться в СССР. Буржуазия не по счастливой случайности выронила из рук власть в октябре 1917 года, и она не просто так потом исчезла как класс. Автор проводит через весь рассказ мысль о том, что буржуазия не обладала той сплочённостью, которой мог гордиться пролетариат. Но время показало, что сплочённость ушла, а капиталисты возродились не из тех, кто сумел пережить советскую власть, и даже не из их потомков, а из самого рабочего класса и его авангарда.

Пантелеймон Романов своими рассказами умел метко указать обществу на его слабые стороны. Продолжая реалистическую традицию, он зачастую с верных позиций критиковал пережитки, перегибы и ошибки в жизни пролетарского государства. Но критический реализм, как и творчество Романова, имеет свои границы, которые должны быть преодолены. Реализм, который оставляет читателя один на один с действительностью, который задаёт вопросы, но не даёт ответы, имеет недостатки, которые корнями уходят в историю возникновения реализма на пике развития буржуазного общества. Писателями-

реалистами, как правило, становились выходцы из высших сословий — бедные слои населения не могли их породить в силу недоступности для них образования. Образ жизни писателей, их классовые интересы наложили отпечаток на реалистическую форму, сделали её отчасти созерцательной. Упав на почву русской действительности, реализм дал свои плоды в виде критической направленности. Писатели, сами того порой не замечая, стремились вырваться из феодальных пут, поставленных на службу капитализма в России. Их критика была направлена против всего, начиная от униженного положения подавляющего большинства населения и кончая причудливо сросшимися дворянскими и буржуазными нравами.

Но с развитием пролетарского движения и увеличением числа разночинных интеллигентов в начале XX века появляется направление в литературе, которое в самой действительности пытается найти ответ на поставленные вопросы. Главная задача которого: показать читателю тенденцию, утвердить новое, а не отбросить старое. После 1917 года и особенно в 20-е годы в литературу приходит множество вчерашних революционеров, рабочих, крестьян и других трудящихся. Они привносят свой особенный стиль, пытаются сделать достижения прошлых лет доступными для масс через новые формы. Так зарождается социалистический реализм, глобальной задачей которого становится не отобразить действительность в статичной форме, но передать её движение от старого к новому, от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, и снять ограничения, наложенные уходящей эпохой на реализм. И Романов тоже испытывал влияния времени и его надежд: в своих рассказах и романах он делает попытки показать движение, дать незримый ориентир читателю, но практика показала: этого недостаточно для того, чтобы массовый

читатель «задумался». Сатира хороша тогда, когда читающий знает, над чем нужно смеяться, когда он понимает, что «не так» с действительностью, но она плоха, когда нужна «инструкция» к действию. Реализм прошлого тем и слаб, что он не может дать ответов, а предлагает их найти самим, ставит проблемы, но не знает, как их решить. Новый реализм должен провести читателя по пути самой жизни, чтобы в конце показать, что необходимо предпринимать здесь и сейчас. Он должен пробудить душевные переживания и превратить их в холодный разум.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Романов П. С. Собр. соч. М., 1927. Т. 2. С. 24. ↩
2. Там же. С. 26. ↩
3. Прибой. Альманах первый. Л., 1925. С. 271. ↩
4. Романов П. С. Избранные произведения. М., 1988. С. 25. ↩
5. Читатель и писатель. 1928. 28 августа. ↩
6. Романов П. С. Избранные произведения. М., 1988. С. 23. ↩
7. Литературная газета. 1938. 10 апреля. ↩

8. Романов П. Рассказы. М., 1934. С. 37. ←

9. Соколов А., Терентьев И. **Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают** // РБК. 2014. 15 октября. ←